

Кроваво-красный свет лился сверху. Под ним багрянцем расцветали обточенные временем и чьими-то зубами кости. В расколотых черепах и раскрошенных грудных клетках таилась тьма. Она просачивалась сквозь щербины в зубах и провалы глазниц, проскальзывала через трещины, окружала пятно красного света, такое крохотное посреди бесконечной тьмы, билась о его границы, но никогда не могла подобраться достаточно близко.

Кара лежала на вершине горы из черепов и глядела вверх, на ровное красное свечение, столь похожее на кровь. Язык ее прошелся по сухим губам, давно истосковавшимся по вкусу чужих жизней. Жажда снова напомнила о себе.

Сотня — ровно столько трупов потребовалось, чтобы запечатать гробницу. Сотня душ в обмен на жизни тысяч. Сотня сердец, чтобы унять голод одной-единственной кары — твари, которой не должно было существовать.

Скучно.

Кара перевернулась на бок, схватила первый попавшийся череп и пристально вгляделась в пустые глазницы. Ощерилась, подражая его застывшему навечно оскалу.

За бесконечно долгие годы она десятки раз пересчитывала каждую кость. Снова и снова. Будто это могло хоть ненадолго избавить от смертельной скуки.

— Жаль, — хрипло протянула кара, обращаясь к черепу. — Жаль, что я давным-давно съела тебя. Сколько мы здесь, а? Тоже не помнишь. Ты бы испортился, глупыш, а тухлятину я не люблю. Хотя сейчас... — Она тяжело вздохнула и с грустной улыбкой покачала головой: — Нет, спроси еще лет через десять.

Нахмурившись, кара перевернула череп и заглянула внутрь, чтобы проверить, осталось ли там что-нибудь. Но внутри было пусто. Как и много раз до этого.

Тогда она снова откинулась на спину, прижала череп к груди и уставилась вверх, на никогда не меняющийся багряный свет.

Вот бы можно было умереть от скуки.

Кара закрыла глаза и уже приготовилась погрузиться в сон, как вдруг что-то изменилось. Она резко поднялась, уложив череп на колени. По ее телу побежали мурашки.

Во тьме появилась полоска света. Настоящего, похожего на солнечный. Потом вдруг полоса резко расширилась, образовав проход.

Выход. Выход из гробницы!

От непривычной яркости защипало глаза, и кара зажмурилась, прикрыла их ладонью, а через миг приоткрыла ровно настолько, чтобы увидеть в проходе черный силуэт, из-за которого в гробнице снова стало темнее.

Кара чуть подалась вперед, к свету, что впервые за десятки лет посетил это место. Она нетерпеливо заерзала: хотелось немедленно кинуться туда, к выходу. И неважно, что там, главное — подальше отсюда. Но она не могла.

— Кара по имени Жатва, — раздался низкий уверенный голос, — я хочу заключить контракт.

Человек сделал несколько шагов и остановился на краю багряного пятна. С трудом оторвав взгляд от яркого света, кара посмотрела на представшего перед ней мужчину: суровое лицо в обрамлении доходящих до плеч темных волос, холодные голубые глаза, губы пересекает тонкий шрам, еще один тянется по скуле от самого глаза.

Рукава его свободной рубахи были закатаны, открывая на запястьях неглубокие порезы, из которых сочилась кровь. Кара жадно облизнулась.

— Ты хорошо подумал, прежде чем притащиться сюда, мальчик? — с издевкой протянула она.

Лицо мужчины не выражало ни единой эмоции.

— Наслышан про твой скверный характер, тварь.

— Ох, как невежливо, человек. — Кара оскалилась в усмешке, обнажая заостренные зубы. — Кто ты такой? Очередной королек, желающий захватить соседнюю страну?

— Веллан Родеган, командир четвертого специального отряда армии Хавенгура, — откликнулся мужчина, не сводя с нее жесткого взгляда.

— А, сынок богатенького аристократа, которому звание досталось благодаря папеньке? Что, денег недостаточно, чтобы получить все, чего ты желаешь? Или решил покрасоваться перед друзьями?

— Я не болтать сюда пришел. Мне нужна твоя сила.

— Зачем же?

— Какая разница?

Кара хмыкнула, стиснула ладонями все еще лежащий у нее на коленях череп и с деланным безразличием отвернулась.

— Тогда проваливай.

Мужчина раздраженно дернул бровью. Потом усмехнулся и развернул запястья так, чтобы кара хорошо их видела.

— Брось. Я не слепой. Ты глаз не можешь отвести от моей крови. Подойди и возьми, ну же!

Каков нахал! Человек оказался покрепче всех тех, кто когда-либо заикался о контракте с Жатвой. Она не могла бы сказать, раздражает ее это или забавляет.

— Думаешь, мне не терпится променять одну тюрьму на другую? Что ты можешь предложить мне в обмен на силу?

— Моя страна вступает в войну. Я хочу защитить свои земли и своих людей. И ради этого я готов на все. Даже отдать душу такой твари, как ты. Служи мне — и сможешь вдоволь повеселиться на поле боя.

— Служить тебе? — усмехнулась кара. — Рожа не треснет? Я Великая Кровавая Жатва! А ты, жалкий, слабый человек, даже ногтя моего не стоишь.

— О, разумеется, — протянул он, и в его голосе кара распознала плохо прикрытое отвращение. — О тебе ходит столько легенд. Говорят, ты безумна и неуправляема, но

также и невероятно могущественна. Поэтому я и пришел к тебе. Заключи со мной контракт — и я дам тебе насытиться человеческими душами.

Он слегка прищурился и добавил:

— В конце концов, это твой единственный шанс хоть ненадолго покинуть гробницу.

Кара и сама это знала. Давненько никто не появлялся здесь. Наверное, слишком живучи были легенды о судьбах ее прошлых хозяев. Впрочем, кара подозревала, что стоящего перед ней человека не получится провести так же просто, как остальных.

Но выбора все равно нет. Кто знает, сколько еще времени пройдет прежде, чем заявится очередной самоуверенный идиот, ослепленный нечеловеческой силой Великой Кровавой Жатвы?

— Долго собираешься думать, тварь? Мое терпение не безгранично.

— Столько, сколько захочу, мальчик. Тебе этот контракт нужен не меньше, чем мне.

— Жаль. Жертва, приготовленная специально для тебя, изнывает от тоски.

Кара растянула губы в широкой улыбке, бросила череп за плечо — тот покатился с глухим стуком вниз, утянув за собой еще несколько.

— Что же ты сразу про жертву не сказал?

В один стремительный прыжок Жатва преодолела расстояние, отделяющее ее от человека, и приблизилась к самому его лицу на границе красного света. Мужчина даже не вздрогнул, лишь усмехнулся уголком рта и поднял повыше запястье. На ладони и длинных пальцах влажно блестели кровавые дорожки.

Кара провела языком по острым зубам. Она слишком долго не видела крови, не чувствовала ее приятное тепло и солоноватый привкус на губах. И теперь, оказавшись так близко, едва могла сдерживать себя.

— Итак, кара Жатва, станешь ли ты служить мне до скончания дней моих? В награду за службу я отдам тебе свою кровь, свое сердце, тело и душу. Обещаю заботиться о тебе и кормить. Принимаешь ли ты этот контракт?

Голод сделался невыносимым и пересилил отчаянное нежелание Жатвы подчиняться чужим приказам, затмил собой ее гордость и нехорошее предчувствие. Она понимала, что придется *действительно* служить этому человеку и что ее сила и тело перестанут ей принадлежать.

Кара ненавидела себя за это, но не могла отказать.

— Да, я принимаю, — хрипло прошептала она полоске, сочащейся алым, и без промедления схватила протянутую руку. Вцепившись когтями в мягкую плоть, Жатва поднесла запястье к губам.

По всему ее телу прокатилась волна опьяняющего наслаждения, когда первые капли крови оказались на языке. Вот он — вкус чужой жизни!

Жатва впилась в запястье зубами. Кровь тут же наполнила ее рот и потекла по подбородку. Человек дернулся — то ли от неожиданности, то ли от боли, — но Жатва не собиралась отпускать его так просто. Она сделала еще несколько жадных глотков, потом сомкнула зубы и вырвала кусочек мяса и кожи.

Мужчина с силой выдернул руку, пальцами сжал запястье чуть повыше раны и с неприкрытым отвращением уставился на кару.

— Бешеная сука.

— Ох, не ворчи, неженка. — Жатва провела по подбородку тыльной стороной ладони, но только растерла кровь. — В конце концов, это первый и последний раз, когда я могу навредить тебе по собственной прихоти. Грешно упускать такую возможность.

Он смерил ее долгим хмурым взглядом, в котором по-прежнему не было страха. Лишь презрение. Все они поначалу смотрят так, высокомерно задрав носы. Думают, что лучше ее, кары. Думают, что особенные, поскольку сумели связать столь могущественное существо контрактом и заставить служить себе.

Но даже не подозревают, что ждет их.

Жатва усмехнулась. Перепачканный свежей кровью шрам на ее левой щеке, тянущийся от уголка рта, дернулся.

— Ты еще пожалеешь, что связался со мной, Веллан Родеган. Обещаю, — прошептала она ласково.

— Не думаю, — холодно откликнулся он. — Скорее ты сама пожалеешь. Особенно если попытаешься вытворить что-нибудь, что мне не понравится. Так что давай не усложнять друг другу жизнь, тварь. Я не стану слишком многого от тебя требовать. Просто будь хорошей девочкой — и получишь глоток свободы.

Развернувшись, новый хозяин двинулся к выходу. Жатва немедля последовала за ним, пропустив его глупую угрозу мимо ушей. Ее занимало лишь предвкушение. Как же долго она мечтала, что покинет гробницу и выберется из заточения хотя бы на короткий срок человеческой жизни! Ведь ничего другого не останется таким, как она, — тварям, которых когда-то притащили в этот мир. Им показали свободу и вседозволенность, а потом отняли все

и заперли в клетке, потому что они оказались слишком сильны. И теперь им позволено лишь менять клетку на поводок и тешить себя мечтами о возвращении прежних времен. Времен, когда кары были богами.

Свет на той стороне был таким ярким, что слепил глаза и не давал ничего рассмотреть. Жатва зажмурилась, когда переступала через невидимую границу между мирами, обозначенную открытой дверью, но уже в следующий миг оказалась в темной комнате из серых каменных блоков.

Дверь захлопнулась, погасив остатки багрового свечения. Гробница не принадлежала миру людей — вообще никакому миру не принадлежала. Созданную специально для кары темницу можно было отпереть при помощи особого ключа и крови. Дверь же могла быть абсолютно любой.

Хозяин провернул измазанный кровью ключ в замочной скважине и спрятал его за пазуху. Кивком указал в угол:

— Твоя жертва.

В темном углу неподвижно лежал крепкий парень с мешком на голове, в замаранной потом и грязью одежде. На открытых участках его тела красовались следы побоев, а руки были связаны за спиной.

— Спасибо, что не старик, — недовольно проворчала Жатва.

— А ты хотела девственницу? Тебе ведь все равно, кого жрать.

— Это не значит, что можно подсовывать мне всякий мусор.

Кара склонилась над жертвой и сдернула мешок. Давно небритый, изрядно потрепанный парень с непониманием

установился на нее одним глазом. Другой, подбитый, распух и не открывался. Жатва улыбнулась — и парень, вздрогнув, заерзал в попытке отодвинуться.

— Стоять, — холодно скомандовал хозяин, когда кара уже протянула руку к жертве. Жатва замерла и недовольно зашипела. — Ты никого не будешь трогать без моего разрешения. Ни человека, ни зверя. Ни здесь, ни за пределами крепости. Я запрещаю тебе запугивать, калечить и жрать кого вздумается. Ясно?

— Ага, — пробормотала Жатва. Мысли ее занимала только жилка, бьющаяся на толстой шее.

Наслаждаясь новоприобретенной властью, хозяин еще немного помедлил и бросил:

— Давай, заканчивай быстрее, потом найдешь меня.

Жатва одним ударом пробила грудную клетку жертвы, выдернула горячее, все еще трепещущее сердце и вгрызлась в него зубами. Густая темная кровь потекла по ее подбородку, шее, рукам, пачкая и без того не слишком чистую одежду.

Краем глаза Жатва заметила брезгливость на лице хозяина.

Ничем он не отличается от остальных. Все они морщат носы, когда видят, как кара пожирает плоть, хотя сами сотнями убивают себе подобных. Жатва никогда не могла понять их брезгливости, но это ее забавляло.

Наблюдать за трапезой кары — самое безобидное из того, что ждет человека, посмевшего связать ее и себя контрактом.